

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА GASTRONOMIC THEMES IN THE STORIES OF A. P. CHEKHOV

Аннотация: В данной статье анализируется гастрономическая тематика в рассказах А. П. Чехова «Закуска», «О бренности», «Сирена», «Ариадна» во взаимосвязи с темами чревоугодия, разложения, чиновничества, любви и смерти. Исследование позволило выявить многочисленные детали и подробности в изображении еды и их роль в тексте, а также сделать выводы о том, что гастрономическая тема отражается в описаниях пищи, в названиях и подзаголовках, в именах и характеристиках персонажей, в сюжетной организации произведений писателя.

Ключевые слова: гастрономическая тематика; художественные детали; рассказы А. П. Чехова.

Abstract: This article analyzes the gastronomic theme in the stories of A. P. Chekhov «Snack», «About frailty», «Siren», «Ariadna» in connection with the themes of gluttony, decomposition, bureaucracy, love and death. The study allowed to identify numerous details in the image of food and their role in the text, as well as to conclude that the gastronomic theme is reflected in the descriptions of food, in the names and subtitles, in the names and characteristics of the characters, in the plot organization of the writer's works.

Keywords: gastronomic themes; artistic details; stories by A. P. Chekhov.

На страницах русской классики очень много описаний, связанных с пищей, её добыванием, приготовлением и потреблением. Например, такие красочные описания еды находим у Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и др. Гастрономическая тематика не оставила равнодушным и Антона Павловича Чехова. Его творчество уже многие десятилетия привлекает внимание исследователей. Однако, насколько нам известно, тема еды в произведениях А.П. Чехова мало изучена. Имеются только отдельные наблюдения Г. П. Козубовской над архетипами еды в рассказах «Учитель словесности», «Случай из практики», «Невеста» [4], Я. В. Гудимовой – над трансформацией культурных смыслов о еде [2], А. С. Бойчук – над гастрономическими метафорами в прозе писателя [1], Е. А. Селиной и Е. В. Лыхиной над приёмом описания еды в рассказе «Сирена» [5], В. В. Катерминой над особенностями гастрономической картины мира в рассказе «Дом с мезонином» [3].

В данной статье мы обратимся к гастрономической тематике в творчестве А. П. Чехова, и материалом исследования послужат его рассказы «Закуска (Приятное воспоминание)» (1883), «О бренности (Масленичная тема для проповеди)» (1886), «Сирена» (1887), «Ариадна» (1895). Новизна нашей работы заключается в том, что мы попытаемся вычлениить все детали и подробности, связанные с темой еды, определить их место в структуре текста, а также рассмотрим гастрономическую тематику во взаимосвязи с другими темами рассказов писателя.

В рассказе «Закуска» можно выделить три взаимосвязанные темы – пищи, чиновничества и чревоугодия. Гастрономическая тематика проявляется уже в названии – «закуска». Набор блюд, который приготовили приятели в пасхальный канун, находится в центре рассказа от начала до конца. Так, в завязке стол «...уже изображал собой аппетитнейшую картину. Окорок, колбасы, водки, вина, заливной поросёнок...» [6, т. 2, с. 127], а в развязке после ухода гостей «...от закуски моей остались одни только ножи, вилки да две ложки» [6, т. 2, с. 129]. В подзаголовке рассказа – «Приятное воспоминание» – выражено ироническое отношение к «закуске», потому что приготовленные блюда не доставили удовольствия герою из-за неожиданного прихода его начальника, а также из-за того, что после ухода гостей «...шесть ложек исчезли». Здесь тема пищи тесно переплетается с темой чиновничества. Прекрасновкусов – незваный гость, а ещё чиновник, который очевидно выше рангом героя не только на работе, но и у него дома. Начальник позволяет себе в гостях начать трапезу раньше наступления пасхи, без приглашения хозяина дома. Прекрасновкусов сначала глазами пожирал закуски, затем предложил всем выпить и, наконец, «...съел кусок пасхи из творога», забыв, что «...она скоромная». Пришедший с ним секретарь Дробискулов вёл себя очень скромно, пока дело не дошло до закусок. Первые кусочки он брал исподтишка: «Дробискулов очень ловко захватил рукавом кусочек колбасы, взял его в носовой платок и, сморкаясь, незаметно положил в рот» [6, т. 2, с. 128]. Но с каждым кусочком его скромность исчезала всё больше: он, «...покончив с поросёнком, победил свою робость» и начал вольно выражать свои мысли о службе. Кроме описания закусок и не очень приятного процесса их поедания, Чехов использует также приём «говорящей фамилии»: Прекрасновкусов – чиновник с прекрасным вкусом. И действительно, у него прекрасный вкус; он развлекал всех «похабными анекдотами», чтобы остаться поближе к обилию закусок, его идея выпить пришлась всем по вкусу, ведь после этого непременно нужно будет закусить. Таким образом, в рассказе «Закуска (Приятное воспоминание)» гастрономическая тема движет развитие сюжета, выявляет характеры персонажей и их взаимоотношения. Через тему пищи Чехов подвергает осмеянию чиновничество, так как хозяин дома не смог «выжить гостей» ввиду их более высокого ранга, чревоугодие, потому что в центре внимания гостей-чиновников только еда, которая движет их поступками; мелкое воровство, ведь гости ушли, незаметно прихватив с собой шесть ложек, которые, видимо, тоже были очень вкусными.

В рассказе «О бренности (Масленичная тема для проповеди)» тема еды тоже является основной, но она тесно переплетается с темой чревоугодия, разложения, смерти. Название произведения имеет книжный философский оттенок: в этом

мире всё временно, преходяще, смертно. Так, у Подтыкина только одна временная ценность – приём пищи, и даже умирает он во время еды. А его жена Катя – своеобразный проводник в преходящий мир напитков и разносолов. Подзаголовок отсылает нас к масленичной теме, потому что масленица не просто праздник, но и 7-дневное пиршество, торжество жирной, масленичной пищи. И это доставляет герою истинное наслаждение: «...глаза его подернулись маслом, лицо покривило сладострастьем» [6, т. 4, с. 364]. Краткий сюжет рассказа полностью построен на теме еды. Уже в завязке Чехов пишет о пристрастии главного героя к пище, в частности, к блинам: «Подтыкин сел за стол, покрыл свою грудь салфеткой и, сгорая нетерпением, стал ожидать того момента, когда начнут подавать блины» [6, т. 4, с. 364]. Гастрономическая тема здесь выявляет порок чревоугодия у Подтыкина. Он радуется не столько празднику Масленицы, сколько возможности вкусно и много поесть. Перед его глазами только стол с изобилием блюд, что составляет центр всего рассказа. К развитию действия относится ожидание героем блинов и процесс приготовления к поеданию пищи. Чехов детально, не торопясь, описывает накрытый стол, используя приём сравнения: надворный советник Подтыкин сравнивается с полководцем, стол – с полем битвы, бутылки – с линией фронта. Не менее красочно и подробно автор описывает блины: «...блины были поджаристые, пористые, пухлые, как плечо купеческой дочки». Описание постепенной подготовки к сладострастному поеданию блинов сопутствует у Чехова с небольшими портретными характеристиками героя: «Подтыкин приятно улыбнулся, икнул от восторга», «...как бы разжигая свой аппетит и наслаждаясь предвкушением, он медленно, с расстановкой обмазал их икрой», «Подтыкин взглянул на дела рук своих и не удовлетворился» [6, т. 4, с. 364]. Герой продолжительное время подготавливал блины к поеданию: «...обмазал их икрой», «...положил на блины самый жирный кусок семги», но съесть всё это не удалось, «...его хватил апоплексический удар». Семен Петрович покидает этот бренный мир, не вкусив столь желанных блинов. Развязка рассказа – неожиданная смерть Подтыкина во время еды – резко контрастирует с подробными гастрономическими описаниями. Всё это заставляет читателя задуматься о том, что плотские желания разлагают душу человека.

Тема еды в рассказе «Сирена» также перекликается с темами чиновничества и чревоугодия. Весь сюжет рассказа строится на том, что секретарь Жилин соблазняет и одурманивает всех своими сладострастными разговорами о еде, увлекает в мир чревоугодия: «Щи должны быть горячие, огневые. Но лучше всего, благодетель мой, борщок из свеклы на хохлацкий манер, с ветчинкой и сосисками. К нему подаются сметана и свежая петрушечка с укропцем» [6, т. 6, с. 317]. Тем самым он уподобляется мифической сирене, которая заманивала людей сладостным пением в гибельные места, что нашло отражение в названии рассказа Чехова. Жилин, описывая разнообразные блюда, вольно или невольно воздействует на естественную потребность окружающих людей, пробуждает в них животные чувства: почетный мировой судья «...сделал зверское лицо и заревел в сторону председателя»; Милкин, «...влекомый неведомой силой, схватил шляпу и выбежал вон»; председатель «...вскочил, швырнул в сторону перо». Гурман Жилин сравнивается писателем ещё и с соловьём: «...он уже так увлекся,

что, как поющий соловей, не слышал ничего, кроме собственного голоса» [6, т. 6, с. 317]. Кроме того, портретная характеристика героя на протяжении всего текста тоже даётся сквозь призму гастрономической тематики: «...с выражением сладости на лице», «...медово улыбаясь и глядя», «...изобразил на своем сладком лице». И Жилина, и других персонажей Чехов описывает с юмором и иронией: для работников суда гастрономические рецепты и советы заменили официальные беседы и действия в судебном учреждении. Разговоры о еде не подходят к окружающей героев обстановке. На протяжении всего развития сюжета Жилин не только рассказывает о пище, о последовательности приготовления блюд, об их подаче и процессе поедания, но и даёт советы, что и когда следует выпить и съесть, с удовольствием говорит о чувствах и ощущениях во время и после вкушения всех яств. «Едучи домой, надо стараться, чтобы голова думала только о графинчике да закусочке»; «...после жаркого человек становится сыт и впадает в сладостное затмение»; «...после первой же рюмки всю вашу душу охватывает обоняние, этакий мираж». К тому же еда в рассказе Чехова олицетворяется: «...молодой лук, когда, знаете ли, начинает поджариваться и, понимаете ли, шипит, подлец, на весь дом» [6, т. 6, с. 316], «...кулебяка должна быть аппетитная, бесстыдная, во всей своей наготе, чтоб соблазн был» [6, т. 6, с. 317]. Так автор тонко иронизирует над человеческими пороками, над обыденностью чиновников, у которых нет ничего интересного и ценного в жизни, кроме еды. Жилину, чиновнику-гурману, который вдохновенно может говорить только о пище, противопоставлен судья Милкин, «...слывущий за философа, недовольного средой и ищущего цели жизни». Он слушает все разговоры о блюдах с презрением: «Черт его знает, только об еде и думает! – проворчал философ Милкин, делая презрительную гримасу» [6, т. 6, с. 317]. Но и он не выдержал сладостного «пения» Жилина, поддался искушению: «Философ Милкин сделал зверское лицо и, по-видимому, хотел что-то сказать, но вдруг причмокнул губами, вероятно, вообразив жареную утку, и <...> выбежал вон» [6, т. 6, с. 319]. В итоге все очарованы речью Жилина, физиологические потребности берут вверх. Потребность в еде становится основным условием существования. Под действием пищевого инстинкта забываются все обязательства. И развязка рассказа очевидна: соблазнительные разговоры о пище заставили работников суда бросить все свои дела и убежать есть. Причём сам Жилин остаётся на месте, он «...вздыхнул, укоризненно поглядел им вслед и стал убирать бумаги» [6, т. 6, с. 317].

Рассказ «Ариадна», на первый взгляд, посвящён теме эгоистической, животной, потребительской любви и теме порочного воспитания женщин. Однако в произведении чётко прослеживается взаимодействие темы любви и еды. Имеется много упоминаний о потреблении пищи: «...носил в дамское отделение то пирожки, то апельсины», «...мы потребовали бутылку вина», «...разошлись очень довольные ужином», «...после жирного завтрака мы поехали» и др. Иногда встречаются подробные описания блюд, напитков: «...в час завтрак: мясо, рыба, какой-нибудь омлет, сыр, фрукты и вино» [6, т. 9, с. 121]. Многообразие яств («устрицы, конфеты, шампанское») каждый раз подчёркивает принадлежность героев к господскому классу. Они ничего не делали, их жизнь сводилась

только к физиологическим потребностям: «Каждый день мы гуляли и только гуляли. То бродили по парку, то ели, то пили» [6, т. 9, с. 121]. И только Шамохин стыдится такого образа жизни («...этот стыд я испытывал от утра до вечера»), но терпит ради своей возлюбленной – Ариадны. Шамохин долго добивался её расположения, тратил последние деньги, выдерживал унижения, а когда стал её любовником, понял, что она вовсе не ангел, а животное, лишённое духовности, моральных принципов и норм. Он увидел в ней непропорциональность душевного и телесного начал: «Часто, глядя, как она спит или ест, или старается придать своему взгляду наивное выражение, я думал: для чего же даны ей богом эта необыкновенная красота, грация, ум? Неужели для того только, чтобы валяться в постели, есть и лгать» [6, т. 9, с. 128]. С одной стороны, Шамохин-рассказчик обличает порок чревоугодия, пошлость и потребительское отношение окружающих его людей. Например, говоря о Лубкове, герой подчёркивает, что «...он был человек со вкусом, любил позавтракать в "Славянском Базаре" и пообедать в "Эрмитаже"» [6, т. 9, с. 113]. То же самое подмечает в Котловиче: «...дышал мне прямо в лицо, и от него пахло вареной говядиной» [6, т. 9, с. 116]. С другой стороны, Шамохин сам является частью этого порочного мира, он поддаётся искушению Ариадны, и их жизнь строится на бесконечном поглощении пищи: «...кофе пила и завтракала в постели. За обедом она съедала суп, лангуста, рыбу, мясо, спаржу, дичь, и потом, когда ложилась, я подавал ей в постель чего-нибудь, например, ростбифа, и она съедала его с печальным, озабоченным выражением, а, проснувшись ночью, кушала яблоки и апельсины» [6, т. 9, с. 126]. Несмотря на все свои рассуждения о плохом воспитании женщин, об их лживости и т. п., Шамохин не может её бросить, он продолжает исполнять все требования возлюбленной. И финал остаётся открытым: «...когда я гулял по набережной, мне встретился Шамохин; в руках у него были большие свертки с закусками и фруктами» [6, т. 9, с. 132]. Так Чехов показал, что женская красота и любовь не спасает мир, а повергает в чревоугодие, которое уничтожает в человеке всё духовное.

Таким образом, гастрономическая тема в рассказах А. П. Чехова тесно связана с темами чревоугодия, разложения, чиновничества, любви и смерти. Писатель подвергает осмеянию людей, чей образ жизни превратился в сплошное потребление пищи. Сладострастные желания еды затмевают героям ум, заглушают всё духовное, а также приводят к тому, что они воспринимают мир сквозь призму соблазнительных трапез. Иногда это приводит к смерти, как в рассказе «О бренности». Обилие гастрономических деталей и подробностей способствует не только сатирическому изображению персонажей, но и раскрытию их характеров и чувств, в том числе гастрономических. Тема еды находит отражение у Чехова в названиях и подзаголовках произведений («Закуска», «О бренности (Масленичная тема для проповеди)»), в именах героев (Прекрасновкусов), в сюжетной организации текстов («О бренности», «Сирена»), в характеристике персонажей («Ариадна»). Очевидно, что предпринятый анализ неприметной, на первый взгляд, гастрономической тематики позволил нам по-новому взглянуть на рассказы Чехова, обратить внимание на более мелкие, но столь значимые детали его художественного мира.

Библиографический список

1. Бойчук, А. С. Гастрономическая метафора как показатель социокультурных отношений в среде носителей русского языка / А. С. Бойчук // Ученые записки ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2012. – С. 190–193.
2. Гудимова, Я. В. Поэтика рассказа А. П. Чехова «Сирена» / Я. В. Гудимова // Вестник магистратуры. – 2013. – № 4 (19). – С. 40–41.
3. Катермина В. В. Гастрономическая картина мира в творчестве А. П. Чехова / В. В. Катермина // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. – М. ; Екатеринбург, 2016. – С. 402–407.
4. Козубовская, Г. П. Проза А.П. Чехова: архетип еды / Г. П. Козубовская // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. – Барнаул, 2011. – С. 445–464.
5. Селина, Е. А. Русская кухня в литературно-поэтическом фонде в XVIII–XIX вв. / Е. А. Селина, Е. В. Лыхина // Мировая литература в контексте культуры. – 2015. – № 4. – С. 166–177.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М., 1974–1983.